

Историческая основа одного мифа: о последних часах жизни Чехова

Валерий Гречко

История последних дней и часов жизни Чехова хорошо известна. К весне 1904 года состояние здоровья писателя ухудшается, и московские врачи рекомендуют ему поездку на лечение за границу. В начале июня 1904 года Чехов с женой отправляется в Германию. После короткой остановки в Берлине Чехов и его жена прибывают в Баденвейлер, небольшой курортный городок в Шварцвальде, на юго-западе Германии. Здесь лечащим врачом Чехова становится доктор Йозеф Швёер (Schwoeeger), известный специалист, среди пациентов которого числились, среди прочего, члены баденского великогерцогского дома. Несмотря на предпринятое лечение, состояние писателя продолжает ухудшаться, и в ночь на 2 (15) июля 1904 года Чехов умирает в номере гостиницы «Sommer», послужившей ему последним приютом.

Обстоятельства смерти Чехова стали известны, прежде всего, со слов его жены О. Л. Книппер-Чеховой, оставившей следующие воспоминания:

Антон Павлович тихо, покойно отошел в другой мир. В начале ночи он проснулся и первый раз в жизни сам попросил послать за доктором. [...] Пришел доктор, велел дать шампанского. Антон Павлович сел и как-то значительно, громко сказал доктору по-немецки (он очень мало знал по-немецки): «Ich sterbe»... Потом взял бокал, повернул ко мне лицо, улыбнулся своей удивительной улыбкой, сказал: «Давно я не пил шампанского...», покойно выпил все до дна, тихо лег на левый бок и вскоре умолкнул навсегда... (Книппер-Чехова 1972: 1, 61-62).

Этот эпизод с бокалом шампанского стал легендарным. В нем видится любовь к жизни до последней минуты, бесстрашие перед смертью. Так, Станиславский замечает: «Смерть его была красива, спокойна и торжественна» (Станиславский 1988: 348). Ему вторит и современный автор Виктор Гоношилов: «Смерть свою Антон Павлович встретил красиво. С типично русским куражом» (Гоношилов 2015). Конечно же, не прошел мимо эпизода с шампанским и Венедикт Ерофеев, у которого Чехов перед смертью прямо просит дать ему выпить шампанского: «Последние, предсмертные слова Антона Чехова какие

были? Помните? Он сказал: "Ихь штербе", то есть "я умираю". А потом добавил: "Налейте мне шампанского". И уж тогда только – умер» (Ерофеев 1977: 36).

Со времени смерти Чехова прошло уже более ста лет, и удивительно, что обстоятельства последних часов его жизни не привлекли должного внимания чеховедов. Конечно, во всех биографиях Чехова повторяются свидетельства его жены, но они всегда принимались на веру и не становились предметом критического анализа. Однако профессор Мицуёси Нумано, работая над своей только что вышедшей новой книгой о Чехове (沼野 2016), обратил внимание автора этой статьи на следующее обстоятельство: не кажется ли странным, что врач, находясь у постели больного в критическом состоянии, вдруг приказывает дать ему бокал алкогольного напитка, к тому же еще и содержащее газ шампанское, которое задыхающийся Чехов и выпить-то мог с трудом?¹

Действительно, для врача такой поступок выглядит необычным и, казалось бы, противоречащим всякой логике. Видимо, стоит более пристально посмотреть на всю эту историю и постараться реконструировать ситуацию. При этом мы сосредоточимся на двух моментах: 1. А было ли шампанское? 2. Если оно действительно было, то зачем.

На первый вопрос ответить просто. Дело в том, что при кончине Чехова присутствовало три человека – его жена, врач и русский студент Лев Рабенек, проживавший в той же гостинице, которого жена Чехова попросила о помощи в ту памятную ночь. Все трое оставили свои свидетельства, которые, по-видимому, были написаны независимо друг от друга. Воспоминания Книппер-Чеховой, в которых говорится о шампанском, были уже процитированы выше. Она также упоминает о шампанском в письме своей матери, написанном через два дня после смерти мужа. Эпизод с шампанским подтверждается и в мемуарах Рабенека, опубликованных им в эмиграции (Рабенек 1958). По свидетельству Рабенека, именно он по просьбе врача и принес бутылку шампанского и один бокал для Чехова. Хотя третий свидетель, врач, в своем отчете о смерти Чехова, опубликованном сразу же вслед за событием в «Русских ведомостях», о шампанском не упоминает, все же его наличие в двух независимых источниках говорит в пользу того, что шампанское действительно было.

Значительно сложнее ответить на второй вопрос. В литературе о Чехове он или не ставится вовсе, или же с самого начала предполагается, что ответ на него ясен – этот эпизод трактуется как смелый, дерзкий вызов смерти, желание насладиться жизнью до последнего момента. Еще более изысканную версию предложил Дональд Рейфилд в своей известной биографии Чехова. Как пишет английский исследователь, «согласно русскому и немецкому врачебному этикету, находясь у смертного одра коллеги и видя, что на спасение нет никакой надежды, врач должен поднести ему шампанского» (Рейфилд 2005: 777). Эта красивая версия получила широкое распространение, на Рейфилда как на авторитетный

источник стали ссылаться другие исследователи (см., например, Жолковский 2011: 223), проникла она в массовую печать и на телевидение.

Несмотря на несомненную романтическую прелесть подобных трактовок все же было бы неплохо подвергнуть их критическому анализу. При логическом подходе быстро выясняется, что у этих объяснений много слабых мест. Версию «дерзкий вызов смерти» сразу же придется признать негодной – ведь шампанское приказал подать не Чехов (как утверждает герой Венедикта Ерофеева), а доктор. Для доктора было бы в высшей степени странно заставлять своего пациента демонстрировать такой вызов, если на то нет желания последнего. Такое поведение очевидно противоречило бы как врачебной, так и общечеловеческой этике.

С версией Рейфилда также есть проблемы. В его солидной биографии имеется множество ссылок на источники, касающиеся самых разных сторон жизни Чехова. Однако эпизод с шампанским ссылками не подкреплён. Нам также ни в Германии, ни в России не удалось найти каких-либо подтверждений существования подобного врачебного ритуала. Современные немецкие врачи такого обычая не знают и прямо подвергают сомнению указание Рейфилда. Так, в медицинской диссертации на тему о болезни Чехова, выполненной недавно в Германии, на этот счет дается следующий комментарий: «Указание Рейфилда о якобы имеющемся обычае тогдашних врачей давать шампанское коллеге, если его скорая смерть очевидна, кажется сомнительным» (Greiner 2008: 114).²

Более того, судя по всему, доктор вовсе не хотел показать Чехову, что считает его состояние критическим. Кроме процитированных выше хрестоматийных воспоминаний Книппер-Чеховой имеется еще два ее свидетельства: письмо матери и отрывок из черновых рукописей. Изложенная в них версия несколько отличается от «официальных» воспоминаний. Так, она пишет, что доктор пришел ночью к умирающему писателю, Чехову встретил его словами «ich sterbe», т. е. «я умираю», на что доктор стал его успокаивать (Книппер-Чехова 1972: 1, 66). Схожее описание этого эпизода в пересказе со слов Книппер-Чеховой приводит А. Измайлов, автор первого биографического исследования о Чехове:

В день смерти, по рассказу жены Чехова, в половине первого часа ночи он проснулся и стал задыхаться, О. Л. послала за доктором. [...] Когда он пришел, Чехов сказал ему по-немецки одно слово:

– Смерть?

– О, нет, нет, успокойтесь! Что вы! – поторопился успокоить его врач. (Измайлов 1916: 526)

Хотя Измайлов не был непосредственным очевидцем смерти Чехова, у нас нет основания

ему не доверять. Это свидетельство было получено им в личном общении от Книппер-Чеховой, и исказить ее слова было бы не в его интересах – в противном случае она могла бы сразу же опровергнуть написанное им. Таким образом, доктор не только не подавал Чехову знака о скорой смерти, но наоборот, старался его успокоить. К этому стоит добавить, что и сам доктор едва ли мог предполагать, что именно эта ночь окажется для его пациента последней. Не далее чем за два дня до этого у Чехова уже случился острый приступ болезни, который, однако, благополучно разрешился после проведенного лечения. Как свидетельствует Григорий Борисович Иоллос, корреспондент «Русских ведомостей», прибывший в Баденвейлер на следующий день после смерти писателя, «Чехов производил впечатление серьезно больного, но никто не думал, что конец так близок. Д-р Шверер, превосходно относившийся к пациенту, на мой вопрос, была ли кончина и для него неожиданной, ответил утвердительно: до наступления кризиса в ночь с четверга на пятницу он думал, что жизнь может еще продлиться несколько месяцев» (цит по: Измайлов 1916: 523-524).

Однако если шампанское не было ни вызовом смерти, ни частью тайного врачебного ритуала, то чем же оно было? Напрашивается очевидное предположение: шампанское являлось тем, что врач и должен давать своему пациенту – лекарством. Но может ли шампанское быть лекарством? Смотря от чего. Здесь нам будет необходимо обратиться к медицинской стороне дела и рассмотреть причину смерти Чехова. Дело в том, что распространенное представление, что Чехов умер от чахотки, не совсем точно. Зафиксированная медиками причина смерти Чехова – «сердечная недостаточность, вызванная массивным разрушением ткани легких» (Greiner 2008: 114). Иначе говоря, туберкулез привел к трудностям в работе сердечной мышцы, что и явилось непосредственной причиной смерти. Как ни странно, плохое состояние сердца Чехова не привлекло внимания его лечащих врачей в России. По свидетельству Измайлова, «Д-р Шверер был первым, кто выразил опасение за сердце Чехова, ослабевшее вследствие легочного процесса. В России никто из врачей не указывал на сердце» (Измайлов 1916: 526).³

Таким образом, в ту последнюю ночь доктор Швёер боролся с сердечным приступом, случившимся у Чехова. А наш вопрос с шампанским получает весьма конкретную форму: могло ли шампанское применяться немецким врачом в начале XX века в качестве лекарства для купирования острой сердечной недостаточности?

Для ответа на этот вопрос достаточно взять какое-либо немецкое медицинское пособие того времени и посмотреть, какие средства там рекомендуются в подобной ситуации. Вот, например, отрывок из книги «Патология и терапия сердечных неврозов и функциональных расстройств кровообращения», изданной в Висбадене в 1901 году:

В случаях нарушения кровообращения обычно употребляются аналептики. [...] общий опыт говорит о том, что на самой опасной стадии наиболее быстродействующим аналептиком оказывается подкожная инъекция эфира или камфорного эфира, [...] наряду с этим можно посоветовать применение крепкого черного кофе, крепких вин, шампанского и коньяка. (Hoffmann 1901: 159).

Приведем еще один фрагмент, на этот раз из медицинского руководства Эрнста Ромберга «Учебник по болезням сердца и кровеносных сосудов», опубликованного в Штутгарте в 1906 году:

При значительной сердечной слабости едва ли можно обойтись без умеренно крепких алкогольных напитков [...]. Особенно подходят хорошие рейнские, пфальцские, франкские и хайльбруннские вина; марсала, портвейн, шерри, терпкие итальянские и греческие вина, бургундское, хорошее бордо, в то время как сладкие венгерские и греческие десертные вина и шампанское целесообразно применять лишь при самых тяжелых случаях сердечной слабости. (Romberg 1906: 275).

Обе книги являлись в то время стандартными пособиями для лечащих врачей и были широко известны не только в Германии.⁴ Как видим, оба специалиста сходятся в том, что в критической ситуации сердечного приступа шампанское может оказать терапевтическое действие и его применение целесообразно. Доктор Швёерер оказался действительно очень знающим и умелым врачом. Он был первым, кто установил, что наибольшую опасность для здоровья Чехова представляет состояние его сердца. В критической же ситуации он действовал строго в той последовательности, которую рекомендовали ведущие специалисты – сначала сделал инъекцию камфоры, а затем, когда это не подействовало, велел подать шампанское.

О том, что шампанское рассматривалось в качестве одного из лекарств, и не более того, можно судить и по реакции присутствующих при смерти Чехова. Ни его жена, ни студент Рабенек не выразили ни малейшего удивления и не задали никаких вопросов по поводу распоряжения доктора. Очевидно, что употребление алкоголя при сердечной слабости в то время не являлось какой-то врачебной тайной, а широко применялось и на бытовом уровне – то, что крепкий кофе или алкоголь стимулируют работу сердца, общеизвестно. Через два дня после смерти Чехова в своем письме матери Книппер-Чехова описывает события этой ночи: «Доктор впрыснул большую дозу камфоры, дал шампанского, но сердце все слабело» (Книппер-Чехова 1972: 2, 60). Характерно, что для

нее эти действия доктора стоят в одном ряду, она также не испытывает потребности как-то объяснить появление шампанского своей матери, исходя из того, что той также известно о лекарственном назначении этого напитка.

Любопытно, что в первые годы после смерти Чехова эпизод с шампанским не вызывал какого-либо особого интереса современников. Сам доктор Швёер в отчете о смерти Чехова, опубликованном в «Русских ведомостях» 4 июля, шампанское не упоминает вовсе. Он пишет: «Несмотря на все энергические меры, подкожные впрыскивания камфоры, вдыхание кислорода и проч. Чехов скончался» (цит. по: Чехов 1974-1983: т. 12, 368). Очевидно, что для доктора шампанское было лишь одной из мер по оживлению деятельности сердца, причем не самой главной, поэтому в своем отчете он удостоил его лишь коротким «и проч.». В обстоятельной же биографии Измайлова (1916) шампанское упоминается только один раз, и то вскользь.

Миф об особой роли шампанского стал складываться лишь позднее. Вероятно, не последнюю роль сыграла здесь сама Книппер-Чехова. В ее получивших широкую известность воспоминаниях (Книппер-Чехова 1972, впервые опубликованы в: Книппер-Чехова 1922), история последних часов жизни Чехова несколько отличается от той, которую она изложила в письме своей матери непосредственно после смерти мужа, а также от черновых набросков этих воспоминаний. В частности, в воспоминаниях нарушена последовательность и несколько смещены акценты в той части, которая касается шампанского. Если в письме матери и черновиках Чехов сначала говорит доктору «Ich sterbe», а затем доктор делает ему инъекцию камфоры и дает шампанское, то в опубликованных воспоминаниях доктор приходит и сразу же велит подать шампанское, в ответ на что Чехов «как-то значительно» говорит ему «Ich sterbe». О камфоре и других попытках доктора оказать Чехову помощь нет ни слова. Тем самым вольно или невольно создается впечатление, что доктор сразу же был уверен в неизбежной смерти Чехова и поэтому дал ему шампанское, а Чехов понял его тайный знак. Кроме того, Книппер-Чехова еще раз возвращается к шампанскому, вводя в воспоминания новый эпизод, которого не было в письме и черновых набросках: «Ушел доктор, среди тишины и духоты ночи со страшным шумом выскочила пробка из недопитой бутылки шампанского...» (Книппер-Чехова 1972: 1, 62). Шампанское, таким образом, приобретает почти мистическое значение, алкогольные пары, вырывающиеся из бутылки, невольно вызывают мысли об отошедшей в мир иной душе Чехова (см. двойное значение «дух» и «алкоголь», содержащееся в латинском слове «spiritus»).

Описания смерти великих людей часто привлекают к себе особое внимание – в их последних словах и поступках потомки ищут скрытый глубокий смысл, послание в будущее. Во многих случаях такие истории обрастают несуществующими подробностями

и мифологизируются. Очевидно, так произошло и с историей смерти Чехова. Однако нужно подчеркнуть, что независимо от своей очевидно «банальной» медицинской основы, романтический миф о шампанском Чехова уже давно стал неотъемлемой частью русской культуры и вошел в массовое сознание. Он живет своей жизнью и дает материал для новых замечательных произведений. В этом смысле прояснение исторической основы, предпринятое в нашей статье, конечно же, не помешает шампанскому Чехова существовать и дальше как факту культуры.

Notes

1. Автор выражает профессору Нумано искреннюю признательность за его вопрос, который в конечном счете явился исходным пунктом для написания данной статьи. Это еще раз подтверждает старую истину о том, что наука – это прежде всего умение задавать вопросы.
2. Однако в этой диссертации не предпринято и альтернативной попытки объяснить, зачем доктор приказал подать шампанское Чехову.
3. О том, что этот недосмотр врачей не предотвратил, как оказалось, ошибочного решения ехать за границу, пишет Книппер-Чехова: «Если бы я могла предвидеть или если бы Таубе [лечащий врач Чехова в Москве – В. Г.] намекнул, что может что-то с сердцем сделаться, или что процесс не останавливается, я бы ни за что не решилась ехать за границу» (Книппер-Чехова 1972: 2, 59).
4. Излишне и говорить, что немецкая медицина того времени пользовалась высочайшим авторитетом во всем мире. Об этом, в частности, можно судить по тому факту, что обе эти книги находятся в библиотеке Токийского университета, причем учебник Ромберга представлен в ней в трех (!) разных изданиях – 1906, 1909 и 1925 гг.

Литература

- Гоношилов В. В. 2015. *От чего все-таки умер Чехов?* Электронная публикация: <https://www.proza.ru/2015/04/02/943>
- Ерофеев В. В. 1977. *Москва – Петушки*. Париж: YMCA-Press.
- Жолковский А. К. 2011. «Умри, Денис, лучше не напишешь!..» Об одном двуязычном каламбуре // Звезда № 8. С. 223-228.
- Измайлов А. А. 1916. *Чехов: Биографический набросок*. Москва: Тип. т-ва И. Д. Сытина.
- Книппер-Чехова О. Л. 1922. Из моих воспоминаний о Художественном театре и об А. П. Чехове // *Артисты Московского художественного театра за рубежом*. Прага: Наша речь. С. 23-32.
- Книппер-Чехова О. Л. 1972. *Воспоминания. Статьи. Переписка: В 2 ч.* Москва: Искусство.
- Рабенек Л. Л. 1958. Последние минуты Чехова // *Возрождение (Париж)* № 84 (12). С. 28-35.
- Рейфилд Д. 2005. *Жизнь Антона Чехова*. Пер. с англ. О. Макаровой. Москва: Изд-во «Независимая газета».
- Станиславский К. С. 1988. *Моя жизнь в искусстве // Собрание сочинений: В 9 томах*. Т. 1. Москва: Искусство.
- Чехов А. П. 1974-1983. *Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 12 т.* Москва: Наука.
- Greiner H. J. 2008. *Anton Čechov (1860-1904): Seine Krankheit und die Medizin seiner Zeit*. Düsseldorf, Univ. Diss.
- Hoffmann A. 1901. *Pathologie und Therapie der Herzneurosen und der functionellen Kreislaufstörungen*. Wiesbaden: J. F. Bergmann.
- Romberg E. 1906. *Lehrbuch der Krankheiten des Herzens und der Blutgefäße*. Stuttgart: Ferdinand Enke.
- 沼野充義 (2016) 『チャーホフ 七分の絶望と三分の希望』講談社

ある神話の歴史的根拠——チェーホフの最期をめぐって

ヴァレリー・グレチュコ

チェーホフの生涯の最期については、なによりもまず妻オリガ・クニツペルの回想のおかげでよく知られている。この回想によれば、死の直前のチェーホフにドイツの医師がシャンペンを勧め、チェーホフはそのグラスを飲み干した後、ドイツ語で「Ich sterbe」（「私は死ぬ」）と言って、亡くなった。

このシャンペンのエピソードは伝説的なものになった。人はここに、チェーホフの生への愛と、死に対する毅然とした態度を見てとったのである。チェーホフの伝記研究者の大部分は、作家の妻の証言を繰り返すだけで、そこに批判的分析を加えることはなかった。しかし、沼野充義は最近出版された新しいチェーホフ評伝を準備している際に、危篤に陥った病人にアルコール飲料を飲ませるといふドイツ人の医師の振る舞いは奇妙なものではなかったかと本論文の筆者に問いかけた。呼吸をするのも苦しい状態にあったはずのチェーホフには、シャンペンを飲み干すのは容易ではなかったのではないか？

この点を説明するために、イギリスの研究者ドナルド・レイフィールドはその名高いチェーホフ伝の中で、当時ドイツの医師の間に存在したとされる次のような習慣に言及している。つまり、医師は、自分の同業者が危篤に陥ってもはやこれまでと判断したとき、死にゆく者にシャンペンを勧めることになっていた、というのである。しかし、この説を裏付けるいかなる確証もレイフィールドは挙げていない。

本論文はこのシャンペンのエピソードの意味を解明する試みであり、その成果は以下の3点に要約される。

- (1) チェーホフの直接の死因は結核ではなく、結核によって引き起こされた心不全である。
- (2) 20世紀初頭のドイツの医学書によれば、当時シャンペンは急性心不全の治療薬の一つと見なされていた。つまり、医師はチェーホフにシャンペンを薬として処方したのである。
- (3) ドイツの医師の習慣についてのレイフィールドの説には裏付けがない。現代のドイツの医師たちからは、この説に対して疑念が呈されている。

つまり、チェーホフのシャンペンに関する美しい神話には、医学的な根拠があったのである。しかし、このような医学的説明がいかにも「凡俗」なものであったとしても、神話は既にだいぶ前からロシア文化の切り離せない一部となり、多くの人々の意識に浸透している。神話は自らの生命を持ち、新たな優れた作品の素材ともなっている。